

Н. Ю. Сухова

РОССИЙСКОЕ «УЧЕНОЕ МОНАШЕСТВО» ПЕРЕД ПРОБЛЕМАМИ УЧЕНОСТИ И МОНАШЕСТВА (1880–1910-е гг.)

Статья посвящена русскому ученому (или академическому) монашеству, деятельность которого напрямую связана с богословской школой и наукой, в конце XIX — начале XX в. Парадокс: призванное заниматься прежде всего развитием богословской науки, русское ученое монашество почти не могло в те годы делать это эффективно. Оно дало Церкви великое множество святых, богословов и исповедников, но с его служением были связаны и серьезные проблемы, и критика современников. Особое внимание уделено осмыслению в ученом монашестве своего предназначения и служения и поискам наиболее адекватных его форм. В 1880-е гг. наиболее важные идеи об ученом монашестве высказывали преосвященные Антоний (Храповицкий) и Михаил (Грибановский); первый из них разработал проект «Ученого иноческого братства». В 1910-х гг. епископ Феодор (Поздеевский) дал свою интерпретацию ученого монашества, его служения и задач. Епископ Феодор и его друг по КазДА архимандрит Гурий (Степанов) разработали проект Высшей церковно-богословской школы, или «монашеской Академии», который обсуждался на Поместном Соборе 1917–1918 гг. и получил неоднозначную оценку. Автор подчеркивает актуальность изученных проблем и проектов для современной духовной школы и богословской науки. Исследование основано на комплексе как опубликованных, так и неопубликованных источников.

Ключевые слова: ученое (академическое) монашество в России, православные духовные академии, богословская наука, митрополит Антоний (Храповицкий), епископ Михаил (Грибановский), епископ Феодор (Поздеевский).

Внимание в данном небольшом исследовании сфокусировано на служении ученого монашества — той части российского монашества XIX — начала XX в., деятельность которого была непосредственно связана с духовной школой и богословской наукой¹. Российское ученое монашество дало Церкви сонм великих святителей, богословов, мучеников и исповедников. Однако с его служением, особенно в конце XIX — начале XX в., были сопряжены и тяжелые проблемы, критические замечания, доходящие до отрицания за ученым монашеством как значимых научных достижений, так и полноценного исполнения монашеских обетов. Написание полноценной истории российского ученого монашества — дело будущего, мы же обратим особое внимание на осмысление представителями ученого монашества своего предназначения и служения и поиски наиболее адекватных форм этого служения.

Русская церковно-писательская традиция с самого начала в значительной степени была представлена монашествующими авторами, однако формирование особого разряда иночества, ориентированного на целенаправленное развитие духовной учености, связано с началом систематического духовного образования. История ученого иночества выявила разные формы его организации: были примеры «ученых»

Наталья Юрьевна Сухова — доктор церковной истории, доктор исторических наук; доцент; профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права; заведующий Научным центром истории богословия и богословского образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (suhovanat@gmail.com).

¹ «Ученое монашество» — устойчивое выражение для изучаемого в статье периода; на современном этапе для обозначения монашества, связанного с преподавательской деятельностью, выбрано иное выражение — «академическое монашество».

монастырей — достаточно вспомнить западно-русские братские монастыри, знаменитый Нямецкий монастырь преподобного Паисия (Величковского), — но развитие подобной формы оказалось для России очень непростым. Поэтому на протяжении XVIII в. постепенно сформировался новый тип ученого монашества, практически оторвавшегося от монастырей, а связанного исключительно с преподавательской деятельностью.

Духовно-учебная реформа начала XIX в. (ПСЗ: *Проект Устава 1814*, 1-е собр., XXXII, 910–954) закрепила это положение преподававшего иночества: централизованное распределение выпускников академий по духовно-учебным местам забрасывало их довольно далеко от родных мест, при этом монашествующие составляли наиболее «подвижную» часть. Именно на них возлагались должности инспекторов и ректоров семинарий и академий; и восхождение по начальственной лестнице превращало ученое монашество в постоянных странников по разным епархиям. Но постепенно выявились проблемы, связанные с этой системой: с одной стороны, начальствование молодых монахов и соответствующие права вызывали недовольство членов корпораций из мирян и белого духовенства; с другой стороны, рассеяние ученого монашества по всей стране и почти полное истощание его при академиях, перегруженность административными делами лишали самих иноков возможности научно-богословских занятий.

Эта ситуация обострилась в конце 1850-х — 1870-х гг.: все меньшее количество выпускников духовных академий стремилось к иноческим подвигам; монашество теряло приоритет в духовной школе — в трех из четырех академий и большинстве семинарий ректорские должности заняли протоиереи²; подавляющим большинством докторов и магистров богословия стали миряне³. Но и в эти годы большая часть епископата, прежде всего академических городов, связывала основные надежды на развитие богословской науки с ученым монашеством, сетуя одновременно, что неумение полноценно использовать научный потенциал ученых иноков — беда отечественного богословия и Русской Церкви. Преосвященные предлагали навсегда оставлять талантливых иноков при академиях, образуя из них ученые коллегии, но трезво понимали, что в современных условиях эти иноки будут удручаться своей статичностью, особенно в сравнении со своими однокурсниками, получающими посты, награды, кафедры (ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 676. Л. 8–8 об.; РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 705. Л. 29–30; РГИА. Ф. 797. Оп. 37 (отд. 1, ст. 2). Д. 1. Л. 172–180 об., 182–214 об., 246–284 об.).

Ситуация с ученым монашеством начала меняться в середине 1880-х гг. С одной стороны, этот перелом был связан с общей ситуацией в стране: реформы, проведенные в 1860–70-х гг., в том числе в церковной жизни, дали далеко не во всем положительные результаты. Было очевидно ослабление церковности во всех слоях российского общества. Разумеется, критика высказывалась в адрес духовной школы: именно она готовила пастырей, от которых ждали большей ревности в нравственном воспитании народа. Надежды возлагались на монашество, которое и должно было задать камертон всей духовно-учебной жизни.

Наиболее ярким и заметным было возобновление традиции студенческих постригов в СПбДА⁴, инициатором которой стал епископ Ладожский Арсений (Брянцев), сменивший в октябре 1883 г. на должности ректора прот. Иоанна Янышева. Сам преосвященный Арсений принял монашество не на школьной скамье, а гораздо позднее, уже послужив приходским священником и овдовев. Однако

² В 1862 г. ректором МДА стал протоиерей Александр Горский, в 1866 г. ректором СПбДА — протоиерей Иоанн Янышев, в 1871 г. ректором КазДА — протоиерей Александр Владимирский.

³ Если в предшествующий период две трети докторских богословских степеней получили монашествующие, то за 15 лет действия Устава духовных академий 1869 г. из 40 присужденных докторских степеней 33 (82,5 %) получили профессора-миряне и лишь 3 (7,5 %) — ученые иноки; среди магистров богословия этих лет не было ни одного монашествующего [Сухова, 2012, 243].

⁴ В статье используются принятые сокращения названий духовных школ: СПбДА (ПгДА) — Санкт-Петербургская (Петроградская) духовная академия, МДА — Московская духовная академия, КазДА — Казанская духовная академия.

взгляды своего предшественника, протоиерея Иоанна, на раннее принятие монашества он не разделял. Первый после долгого перерыва студенческий постриг — Михаила Грибановского (инока Михаила) и диак. Петра Грузова (священноинока Платона) — был совершен 14 января 1884 г. В речи к новопостриженным преосвященный Арсений отметил, что «при всех трудностях монашеской жизни она имеет в себе то, что трудно приобретается в мирской жизни»: «более верный и благонадежный путь для прохождения истинной, самоотверженной христианской жизни для совершения собственного спасения» и «более удобный и беспрепятственный путь... для служения Церкви Христовой на земле» [Брянцев, 1908, I, 213–214]. После этого события студенческие постриги в СПбДА следовали один за другим. Так, ровно через три месяца принял монашество студент 3-го курса Николай Надеждин (инок Никанор), в октябре того же года — студент 4-го курса Яков Мещеряков (инок Серафим). Наконец, в мае 1885 г. в монашество был пострижен один из известнейших в дальнейшем представителей ученого иночества — Алексей Храповицкий (инок Антоний). Преосвященный Арсений, говоря о сложностях и искушениях монашеского пути и строгого соблюдения данных обетов, утешал молодых иноков, конечно, прежде всего помощью Божией, однако обращал внимание и на важность поддержки монашеского братства в «стенах сего храма науки» [Брянцев, 1908, I, 221, 223]. Вдохновителем этого братства стал инспектор СПбДА архим. Антоний (Вадковский), назначенный на эту должность в 1885 г., а в апреле 1887 г. ставший ректором Академии. Разумеется, возрождение ученого иночества происходило в 1880-х гг. не только в СПбДА, но и в других академиях.

Молодые иноки были воодушевлены своей ролью в изменении церковной ситуации, в возрождении православной ревности, аскетического подвига; ощущали себя Христовой ратью, священной дружиной. Однако духовно-учебное служение, как и прежде, рассеивало их по семинариям, и вновь встал вопрос о сохранении единства, наиболее последовательным идеологом которого стал выпускник СПбДА иером. Антоний (Храповицкий). У него не вызвало сомнения, что «дело любви к Церкви, ее жизни и ее свободе» полноценно достигается только «через ученое монашество» [Храповицкий: *Письма*, 2015, 75]. О. Антоний составил проект особой монашеской организации — «новоиноческого союза», главной задачей которого должно было стать «служению Христу и Его Церкви» и «особенно делу воспитания пастырей» [Храповицкий: *Письма*, 2015, 75]. Автор проекта именно в ученом иночестве видел «соль», которая должна осолить «вялое по духовной жизни русское общество», «закваску», которая должна все перекусать [Храповицкий: *Письма*, 2015, 76]. Старую проблему — внешнюю разобщенность — члены «новоиноческого союза» должны были преодолевать: во-первых, тесной личной связью — в переписке, в посещениях друг друга при всякой возможности для совместной молитвы, в «любви, откровенности, простоте отношений и исключении всякой самозамкнутости»; во-вторых, в учреждении специального духовно-монашеского журнала, основными авторами которого должны были стать сами члены новоиноческого союза [Храповицкий: *Письма*, 2015, 76–77].

Члены союза должны были образовать из духовного юношества «иерархическую армию, которая взяла бы на себя все дело христианизации современной церковной жизни» [Храповицкий: *Письма*, 2015, 76–77]. Для этого следовало изменить саму духовно-учебную систему: обучение в ней должно быть основано не на штудировании формул и правил, а на воспитании христианского мировоззрения и пастырской настроенности. Будущий преосвященный Антоний видел идеал пастыря и педагога именно в «ученом монахе», считая при этом, что и пастырское, и преподавательское служение не мешает, а, напротив, способствует монашескому деланию — если понимать его не только и не столько как систему внешних ограничений, но как «расположение души и жизни» [Храповицкий: *О монашестве*, 2011, 814].

Ученую задачу академических иноков преосвященный Антоний понимал скорее не как научно-богословское, а как духовно-просветительское служение, хотя о богословской науке владыка рассуждал немало. Не случайны и его любимое самоименование

«служитель Слова Божия»⁵, и вдохновенные замечания о своих первых учениках — семинаристах Холмской семинарии: «они у меня вовсе не то, что семинаристы вообще, но одушевленные народники и христиане, и ревностные проповедники не только в семинарии, но и по деревням на праздниках, куда они разъезжаются со стихарями в чемоданах для проповедания» [Храповицкий: *Письма*, 2015, 76]. Справедливости ради следует заметить, что само понятие «ученый монах», сложившееся в первой половине XIX в., подразумевало лишь инока, прошедшего обучение, а вовсе не практикующего исследователя. Во второй же половине этого века, когда в духовные школы плотно вошло понятие «ученого-исследователя», от академических иноков стали автоматически требовать научной активности.

Но к современной академической богословской науке у будущего владыки Антония было сложное отношение. Уже в конце 1880-х гг. он замечал, что богословская наука должна не «доказывать и апологировать», а «выяснять и экзегетировать» [Храповицкий: *О монашестве*, 2011, 810, прим. 7]. В дальнейшем это перерастет в более радикальное обнищание духовных академий в «западном пленении» и оторванности от духовных запросов общества, а будущим пастырям — для выявления этих запросов — он будет советовать читать Ф. М. Достоевского. Как напишет позднее в своих воспоминаниях архим. Киприан (Керн), у владыки Антония «совершенно отсутствовало чувство проблематичности» [Керн, 2012, 22].

Как относились к указанным планам сподвижники владыки Антония? Неоднозначно. Так, еп. Михаил (Грибановский), который и до своего поступления в академию, и после ее окончания неоднократно пытался оставить духовно-академическую стезю и уйти в монастырь, на профессорской службе оставался только по благословению епископа Феофана (Говорова) и старцев Оптиной пустыни. Да и в дальнейшем он страшился «односторонне погрузиться в теорию, отвлечь свое внимание от процесса Божественной жизни», совершающейся в нем [Грибановский: *Письма*, 2011, 585]. Преосвященный Михаил считал профессорское служение с его «теорией» и неизбежной суетой плохо совместимым с монашеством, что создает *принципиальную* коллизия ученого иночества, которую лишь отчасти можно преодолевать послушанием, если этот «путь... определяется Богом» [Грибановский: *Письма*, 2011, 586]. Собственно же научные стремления и себя самого, и преосвященного Антония владыка Михаил оценивал очень скептически: «я решительно не чувствую никакой склонности к двиганию науки — чего же мне протираться в Академии?... Вы любите саму пропаганду, ради нее можно жить даже и среди ученых» [Грибановский: *Письма*, 2011, 589].

Хотя и владыке Михаилу не были чужды «мания монахопострижения» и идея учено-иноческого братства [Грибановский: *Письма*, 2011, 576, 584], он не был так решителен, как преосвященный Антоний, и понимал, что монашество должно определяться Христовым призванием, а не человеческим энтузиазмом [Грибановский: *Письма*, 2011, 597]. К планам своего друга — создать не просто братский союз, а «армию» ученого монашества, силами которой перестроить все духовное образование и всю церковную жизнь — преосвященный Михаил относился с настороженностью [Грибановский: *Письма*, 2011, 587]. Он считал, что сил ученого монашества не хватает для каких-то решительных действий: ученое монашество — «лакмусовая бумага», отражавшая падение церковности во всем российском обществе. «Церковность — это такое направление жизни, в котором видно преобразующее действие Святого Духа, присущего Церкви» [Грибановский, 1886, 827–830], а этого-то у современного ученого монашества владыка Михаил с великой скорбью не находил. И пассивность духовно-академических студентов в принятии монашества, с точки зрения владыки, связана с тем, что юноши не видят в ученом монашестве связи со Христом, а видят только отдельные личности, не поглощенные Христом настолько, чтобы забыть о себе

⁵ Так подписывал владыка Антоний некоторые свои статьи про ученое монашество: С. С. Б. См., напр.: [О монашестве ученом, 1889, 505–507] и др.

[Грибановский: *Письма*, 2011, 620]. А без этого все объединения ученого монашества организуются не силой любви Христовой, а человечески, «механически» [Грибановский: *Письма*, 2011, 587].

План преосвященного Антония имел определенный практический успех в пору его ректорства в КазДА: все же ему удалось заложить основание иноческому братству преподавателей и студентов. Но в Казани вовлечение студентов в монашество поддерживалось духовным окормлением старца Гавриила (Зырянова)⁶, что, возможно, позволяло преодолеть проблемы, связанные с монашеской жизнью академических иноков. Нельзя, правда, не отметить, что некоторые профессора Академии весьма скептически оценивали научные успехи иноческой братии и считали, что преосвященный Антоний искусственно пытается создать иноческую ученую коллегию, оставляя выпускников при академии не по талантам, а по монашеству.

Одним из наиболее деятельных представителей этого казанского братства был еп. Феодор (Поздеевский), пытавшийся реализовать идеи архиеп. Антония (Храповицкого) в МДА, ректором которой владыка Феодор стал в 1909 г.⁷ Накануне своего вступления в должность ректора МДА тогда еще архим. Феодор опубликовал «программную» статью, в которой выражал полную солидарность с преосвященным Антонием (Храповицким) в оценке духовно-академической ситуации как катастрофической и для подготовки пастырей, и для развития богословской науки [Поздеевский, 1909, 63]⁸. При этом архим. Феодор видел единственную возможность восстановления духовных академий в присутствии им достоинстве высших *православно-богословских* школ в укреплении ученого монашества, которое «при теперешней постановке в них (духовных академиях. — Н. С.) дела научного образования студентов» лишено всякой возможности полноценно реализовываться и в *учености*, и в *монашестве* [Поздеевский, 1909, 64–66]. Архим. Феодор настаивал на том, что к ученому монашеству следует применять более серьезные научные требования, чем к выпускникам академий из белого духовенства и мирян: ученый монах «мыслится... богословом по самому своему сану», как глава духовной школы «должен иметь научный авторитет в глазах корпорации и учеников», как потенциальный епископ является «выразителем православного богословия и богословской науки» [Поздеевский, 1909, 66]. И несоответствие этим требованиям ученых иноков — беда Русской Церкви: богословская наука, предоставленная светским ученым, «начинает проявлять неправославный характер», «типы ученых старцев-епископов сходят в могилу, новые нарождаются в слишком ограниченном количестве», так что некому изболтать неверное направление и указывать «православное русло» [Поздеевский, 1909, 68].

Не менее драматично, с точки зрения архим. Феодора, и положение с *монашеством* ученых иноков. Молодой монах, одушевленный «самыми высокими аскетическими порывами», но еще не изучивший «и азбуки этого дела», не научившийся «ни молиться, ни поститься, ни разбираться хорошенько в себе, смиряться и подчинять свою волю другому», отправляется «на распутья мира» [Поздеевский, 1909, 70]. «Отрешенность ученых монахов от монастырей» и «недостаток знакомства их по собственному опыту с монастырской жизнью» лишают их, как «чужаков», возможности обратиться в монастыри за духовным окормлением [Поздеевский, 1909, 70–72].

В этой статье впервые излагалась та программа воспитания и организации жизни ученого монашества, которая, видимо, сформировалась при обсуждениях в братском иноческом круге. Она состояла из двух частей: воспитание будущего ученого монаха в академии и организация его дальнейшей монашеской жизни и ученой деятельности. На академическом этапе важны были три ключевых момента: возжелавшего монашества студента следовало рассматривать как послушника в изучении науки,

⁶ Старец Седмиозерной пустыни Казанской епархии схииархимандрит Гавриил (Гавриил Федорович Зырянов, до принятия схимы 5.10.1892 — иеромонах Тихон) († 24.09.1915).

⁷ Архимандрит, а с 21.08.1909 г. епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) был ректором Московской духовной академии с 19.08.1909 г. по 01.05.1917 г.

⁸ Ср.: [Храповицкий, 2007, 472–485].

над которой он должен работать с истинно-монашеским усердием; духовная сторона жизни такого студента должна постоянно контролироваться духовником из монахов, мудрых если не богословской ученостью, то духовным опытом (таковым может быть и ректор академии). Для дальнейшей организации сил ученых иноков архим. Феодор предлагал при каждой академии создать для них «духовное отечество» — один из ближайших монастырей с опытными духовными старцами, куда должны были бы поступать кончившие академию иноки. Из таких монастырей, концентрирующих ученые силы, уже окрепшие духовно и подготовленные, а не юные и неопытные иноки должны были посылаться на духовно-учебную и миссионерскую службу. В это отечество ученый монах приезжал бы на вакации, на закате земных дней и не чувствовал бы себя чужим. В качестве примера подходящего для указанной цели монастыря архим. Феодор указывал Вифанский, предназначенный преосвященным Платоном (Левшиним) именно для научных занятий ученого монашества [Поздеевский, 1909, 72–75]. Заметим, что в определенном смысле круг замкнулся: проект ученого монастыря, составленный архим. Феодором, в исполнении был согласен с таковым, составленным почти за 200 лет до того, в 1724 г., преосвященным Феофаном (Прокоповичем).

Владыке Феодору и его единомышленникам удалось добиться некоторых успехов, поддерживающих ученое монашество: Уставом 1910 г. в духовных академиях было введено по две дополнительных вакансии профессорских стипендиатов — для выпускников-монахов, с пастырским богословием была соединена аскетика (ПСЗ: *Устав 1910*, 3-е собр., XXX(1), 419, 424. № 33274. § 76, 130). На усиление значения ученого монашества в академиях были направлены и поправки к этому Уставу 1911 г.: ректорами академий могли быть теперь только епископы, в состав академического Совета должно было входить не менее половины лиц в священном сане — а таковыми могли быть преимущественно иноки, рукополагаемые вскоре после пострижения (ПСЗ: *Изменения в Уставе 1911*, 3-е собр., XXXI(1), 962. № 35802, § 34, 65, прим.). Но последнее требование вызывало в дальнейшем очень много отрицательных отзывов и обостряло негативное отношение к ученому иночеству среди профессоров. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. это отношение было сформулировано: «Такое положение дел... ставя под подозрение чистоту побуждений, располагавших кого-либо из членов академической корпорации к принятию монашества и священного сана, не могло не вносить разделения в корпорацию и не отравлять атмосферы» (ГАРФ. Ф. Р–3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 193 об. — 194).

Но преосвященному Феодору удавалось реализовывать далеко не все идеи: были определенные успехи, были неудачи и обиды. Возможно, сам настрой начала XX в. обострял те проблемы, которые могли быть уврачеваны в более спокойные времена. Но за восемь лет ректорства еп. Феодор пришел к убеждению: для плодотворной духовно-учебной и научно-богословской деятельности ученого монашества нужна его организация, причем в форме определенного института. Весной 1917 г. владыка Феодор был удален из Академии с помещением на должность наместника московского Данилова монастыря с правами настоятеля, но это не поколебало, а утвердило его в главной духовно-учебной идее.

В июле 1917 г. в Троице-Сергиевой лавре состоялся Всероссийский съезд ученого монашества⁹. Само собрание его отдельно от монастырского монашества, съезд которого проводился там же неделей позднее, свидетельствовало о специфичности проблем ученых иноков и о понимании, что решать эти проблемы должны они сами. Председателем съезда был Московский архиеп. Тихон (Беллавин), но главными инициаторами были еп. Феодор (Поздеевский) и инспектор КазДА архим. Гурий (Степанов). Основной темой съезда был поиск форм для консолидации сил ученого монашества, коих предлагалось две: Иноческое всероссийское церковно-просветительское братство и Высшая церковно-богословская школа, или особая «монашеская» академия

⁹ Всероссийский съезд ученого монашества проходил в Троице-Сергиевой лавре 7–14 июля 1917 г., съезд монашества мужских монастырей — там же 16–23 июля (ЦВ, 1917, № 22–23, 146–147).

[Всероссийский съезд, 1917]. Оба предполагаемых учреждения должны были базироваться в монастырях, с одной стороны, реализуя древнюю идею особых «ученых» монастырей, с другой стороны, обеспечивая ученому иночеству возможность полноценной монастырской жизни (ВЦОВ, 1917, № 70, 4).

Вопрос о «монашеской» академии разделил съезд на два течения: ее инициаторам противостояли и. д. ректора МДА архим. Иларион (Троицкий) и игум. Варфоломей (Ремов), предлагавшие трезво оценить состояние современного ученого монашества: в 1910-х гг. в учащих корпорациях всех четырех академий было менее 20 иноков, включая четырех ректоров-епископов, большая часть из которых собственно наукой не занимались (ВЦОВ, 1917, № 76, 3; БВ, 1917, № 6–7, 143–144). Архим. Иларион приводил и принципиальный аргумент: замыкание богословской науки в рамках тесного круга монашествующих лиц крайне бесполезно как для богословской науки, так и для самого института ученого иночества, особенно в современном состоянии, когда «ученое монашество... не близко к богословской науке, а часто, к сожалению, относится к ней без должного уважения»¹⁰. Но все же съезд поручил еп. Феодору и архим. Гурию разработать проекты Всероссийского церковно-просветительского братства и Высшей церковной богословской школы с монашеским направлением и представить на рассмотрение грядущего Поместного Собора Православной Российской Церкви.

Эти проекты обсуждались в течение I и II сессий Собора в Отделе о монастырях и монашествующих, после чего проект просветительского братства был включен в общий доклад Отдела о монастырях и монашествующих (ГАРФ. Ф. Р–3431. Оп. 1. Д. 143. Л. 54–119; Д. 144. Л. 118–187), а проект церковно-богословской школы передан на рассмотрение в Отдел о духовных академиях¹¹. Епископ Феодор (Поздеевский), оглашавший проект Иноческого братства, настаивал на необходимости организации ученого иночества: если церковная власть считает его полезным для определенных целей, то необходимо создать условия, то есть — возможность исполнять монашеские обеты и консолидацию сил, благоприятствующую научно-богословской работе (ГАРФ. Ф. Р–3431. Оп. 1. Д. 144. Л. 105). Авторы проекта видели оптимальное решение в братстве, главной задачей которого является разработка высших богословских вопросов, а также религиозно-просветительская и благотворительная деятельность, сохранение и изучение церковных древностей. Но, в отличие от «новоиноческого союза» 1880–1890-х гг., проектируемое братство должно было иметь несколько монастырей, в которых бы подвизались или с которыми были связаны ученые иноки и на базе которых научно-богословские задачи могли бы осуществляться (ГАРФ. Ф. Р–3431. Оп. 1. Д. 144. Л. 165–166).

У членов Собора вызвало немало споров само явление ученого иночества — разумеется, в том виде, как оно сложилось в России: одни критиковали его в потере монашества; другие — в потере учености. Смущали ранние студенческие постриги, оторванность учащих и учащихся иноков от монастыря и само право принимать постриг и причислять себя к монашеству теми, кто не жил в монастыре. Защитники ученого монашества уверяли, что монашеские постриги студентов духовных академий совершаются лишь по благословию старцев: ни один студент МДА не может быть пострижен без благословения старца Зосимовой пустыни Алексия (Соловьева), в КазДА 15 лет не постригали без благословения схиархим. Гавриила (Зырянова), а после его кончины сносились по этим вопросам со старцами Оптиной пустыни (ГАРФ. Ф. Р–3431. Оп. 1. Д. 144. Л. 151). Однако члены Собора из монастырского монашества — прежде всего наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кронид

¹⁰ Дополнительным аргументом в пользу передачи Московской академии в руки ученого монашества для многих сторонников этого мнения было желание оградить чистоту «православно-богословской науки от той опасности, которая ей угрожает при реформе академий на началах автономности» (ВЦОВ, 1917, № 75, 2).

¹¹ Выписка из протокола Соборного Совета от 10 (23) апреля 1918 г. за № 86. Ст. 11 (ГАРФ. Ф. Р–3431. Оп. 1. Д. 383. Л. 1, 6).

(Любимов) — все же настаивали на двухлетнем проживании студентов, изъявивших желание принять постриг, в строгой обители (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 144. Л. 99); наиболее радикальные оппоненты считали, что «в реальности ученый монах не может исполнять обетов» ни при каких условиях, проект же братства ученых иноков лишь заявляет внешнюю связь ученого монаха с монастырем (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 143. Л. 96; Д. 144. Л. 120–130, 134).

Оппонентов проектов настораживало не только обособление ученого монашества в проектируемом братстве и от остального монашества, и от всей богословской науки, но нереальная грандиозность ставимых им научных задач. И. В. Попов предлагал авторам обратить внимание на альтернативный проект, разработанный профессором Б. А. Тураевым, — ученого монастыря, во главе которого стоял бы инок, известный своими «ценными научными трудами и имеющий вкус к науке», но который вовлекал бы в ученое дело и мирян, известных в науке, из духовных академий и даже из университетов — иначе монастырь так и не станет ученым (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 144. Л. 169–170). Но в целом большинство членов Собора признавали необходимость и объединения ученых иноков для их плодотворного служения Церкви, и их связь с определенным монастырем, полнотой и регулярностью исполнения монастырского устава (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 144. Л. 180–182).

Но камнем преткновения стал проект Высшей церковно-богословской школы, который обсуждался в Отделе о духовных академиях в течение семи заседаний¹². Основной тезис еп. Феодора и архим. Гурия был сформулирован довольно жестко: имеющиеся академии не выполняют своего назначения, ибо они однотипны, плохо решают определенные им задачи: подготовку к пастырству, учительству, миссионерству, научную разработку православного богословия на строго церковной почве (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 383. Л. 2). Особенности проектируемой «монашеской» академии заключались, прежде всего, в изменении учебного плана: введение агиологии и аскетики; усиление изучения Священного Писания и патрологии; уменьшение доли систематического богословия; выведение из курса всех общеобразовательных наук, кроме философии, и преподавание последней лишь в соприкосновении с православием (например, вместо психологии — основы православно-религиозного опыта); уменьшение часов, отведенных на изучение древних языков. Но главное преимущество новой школы предполагалось в постановке воспитательной части и условиях жизни: теснейшая связь учащихся с обителью, в которой будет помещаться школа; поставление во главу пастырства и монашества в перспективе религиозно-просветительского служения (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 383. Л. 2–5).

Проект Высшей церковно-богословской школы подвергся в заседаниях академического Отдела серьезной критике: казалась несправедливой жесткая оценка существующих академий, воспитывавших многие поколения достойных архиереев, пастырей и иноков, в том числе и авторов проекта; вызывали недоумение учебные сокращения: без серьезной историко-филологической подготовки невозможно глубокое научное развитие богословия; было неясно, как именно авторы планировали развивать богословскую науку «в строго церковном духе».

Первый вариант отзыва Отдела, инициативная роль в котором принадлежала профессору Петроградской духовной академии Б. В. Титлиновым, был резко отрицательным: этого следовало ожидать, памятуя непростые отношения автора отзыва с преосвященным Феодором. Однако окончательный вариант отзыва был более мягок и доброжелателен: высшая церковно-богословская школа не признавалась за новый тип школы, но Отдел ничего не имел против ее создания (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 383. Л. 9–12 об.). 14 (27) декабря 1918 г. состоялось определение Высшего Церковного Управления: одобрить в принципе проект Высшей церковно-богословской школы, поручив авторам его доработать согласно высказанным замечаниям; но принять содержание этой школы на счет центральной церковной казны лишь тогда, когда для этого

¹² С 20 июня (3 июля) по 2 (15) августа 1918 г. (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 108–138).

явятся благоприятные условия (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 21. Л. 149–149 об.). Однако благоприятных условий уже не вышло...

Таким образом, мучительные поиски оптимальных форм для гармоничного сочетания научной деятельности с возможной полнотой монашеской жизни, на которые положило немало сил ученое иночество конца XIX — начала XX в., не имели заметного успеха в свое время — по крайней мере, проблема оставалась. Однако идеи и проекты предложили три варианта консолидации сил ученого монашества:

– иноческое братство, объединяющее его членов, служащих в разных духовных школах, узами тесной дружбы, поддержки, единомыслия;

– иноческая община при той или иной академии, связанная совместной монашеской жизнью и научной деятельностью — в последней, разумеется, участвуют другие члены корпорации;

– монастырь, часть братии которого составляет *ученое* иночество, несущее учебное служение в ближайших духовных школах и собирающееся в обители при первой возможности.

Каждая модель имела предполагаемые плюсы и минусы, причем любое усугубление идеи приводило к недоумениям: если всю академию свести к *монашеству*, как сохранить ее ученость? Если весь монастырь свести к *ученому* иночеству, кто будет заниматься поддержкой самого монастыря и жизни ученой братии? Но опробованы все эти модели были лишь отчасти; продолжение дела и новые искания были оставлены в наследство ученому монашеству новых поколений.

В заключение следует отметить, что проблемы, которые пытались решить авторы проектов, не потеряли своей актуальности. Организация полноценной научной деятельности является одной из важнейших задач современной духовно-учебной системы; в этой области в последние годы происходят радикальные изменения, открывающие новые перспективы. Но все эти изменения относятся к внешней стороне науки, и они будут тщетны, если не вредны, если не подтвердятся содержательным наполнением. Конечно, личные научные исследования — это призвание и соответствующие дарования. Но надо признать, что глобальные проекты, необходимые для развития богословской науки и требующие трудов не одного исследователя, а научного коллектива, ученой коллегии, чаще всего либо «зависают» на уровне проектов, либо становятся «долгостроем». Ответственность падает на всех имеющих отношение к богословской школе. Но представляется, что именно сейчас столь важны плодотворные усилия тех, кто, не будучи связан семейными, служебными, общественными обязательствами, непосредственным приходским служением, может жертвенно посвятить себя этому трудоемкому делу — служению академического монашества.

Источники и литература

Источники

1. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАРФ. Ф. 1099 (Филиппов Тертый Иванович). Оп. 1. Д. 676. Проект улучшения преподавания в духовно-учебных заведениях, составленный митрополитом Новгородским и Петербургским Григорием [(Постниковым)]. 14 л.

ГАРФ. Ф. Р-3431 (Всероссийский Церковный Поместный Собор (Священный Собор)). Оп. 1. Д. 143. Протокол и стенограмма заседания Собора от 8 августа (26 июля) 1918 г. 164 л.

ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 144. Протокол и стенограмма заседания Собора от 9 августа (27 июля) 1918 г. 165 л.

ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 380. Протоколы заседаний Отдела о духовных академиях. 163 л.

ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 381. Проекты нового устава духовных академий и положений о них. 367 л.

ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 383. Проект положения о Высшей церковной богословской школе. 27 л.

2. ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

ПСЗ: *Изменения в Уставе 1911* — Высочайше утвержденные 26 августа 1911 г. изменения в Уставе православных духовных академий // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. Т. XXXI. Отд. 1. СПб., 1914. № 35802. С. 961–966.

ПСЗ: *Проект Устава 1814* — Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. С. 910–954.

ПСЗ: *Устав 1910* — Высочайше утвержденный 2 апреля 1910 г. Устав православных духовных академий // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. Т. XXX. Отд. 1. СПб., 1913. № 33274. С. 414–431.

3. РГИА — Российский государственный исторический архив

РГИА. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода). Оп. 37 (отд. 1, ст. 2). Д. 1. О преобразовании духовных академий и составлении нового проекта академического Устава. 1867–1869. 462 л.

РГИА. Ф. 831 (Канцелярия Патриарха Тихона и Священного Синода). Оп. 1. Д. 21. Постановления Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Ч. III. 362 л.

РГИА. Ф. 1661 (Сербинович Константин Сергеевич). Оп. 1. Д. 705. По вопросу об изменении программы преподавания в духовных академиях. [1839–1841]. 42 л.

4. БВ (1917) — Живая жизнь. Всероссийский съезд ученого монашества // Богословский вестник. 1917. № 6–7. С. 142–146.

5. ВЦОВ (1917) — Всероссийский съезд ученого монашества // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 70, 75, 76.

6. ЦВ (1917) — Всероссийский съезд ученого монашества // Церковные ведомости. 1917. № 22–23. С. 146–147.

Литература

7. Брянцев (1908) — *Арсений (Брянцев), архиеп.* Собрание слов и речей: в 5 т. Харьков, 1908. Т. 1. 254+VI с.

8. Всероссийский съезд — Всероссийский съезд ученого монашества (7–14 июля 1917 г.). М., 1917.

9. Грибановский (1886) — *Михаил (Грибановский), архим.* В чем состоит церковность // Церковный вестник. 1886. Декабрь. № 51–52. С. 827–830.

10. Грибановский: *Письма* (2011) — Епископ Михаил (Грибановский). Сочинения. Письма. Жизнеописание. М.: ПСТГУ, 2011. 884 с.

11. Керн (2012) — *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). 2-е изд., исправл. М.: ПСТГУ, 2012. 148 с.

12. О монашестве ученом (1889) — С. С. Б. [*Антоний (Храповицкий), иером.*] О монашестве ученом. I. // Церковный вестник. 1889. № 29. С. 505–507.

13. Поздеевский (1909) — *Феодор (Поздеевский), архим.* Об ученом монашестве // Мирный труд. 1909. № 6. С. 63–75.

14. Сухова (2012) — *Сухова Н. Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012. 376 с.

15. Храповицкий (2007) — Митрополит Антоний (Храповицкий). Избранные труды, письма, материалы. М.: ПСТГУ, 2007. 944 с.

16. Храповицкий: *О монашестве* (2011) — Епископ Михаил (Грибановский). Сочинения. Письма. Жизнеописание. М.: ПСТГУ, 2011. 884 с.

17. Храповицкий: *Письма* (2015) — «Благословите себя включить в новоиноческий союз...» (Письма митрополита Антония (Храповицкого) к епископу Борису (Плотникову) (1886–1900 гг.) / Публ., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Суховой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 5 (66). С. 67–89.

Nataliya Sukhova. The Russian «Learned Monasticism» before the Problems of Science and Monasticism (1880–1910-ies).

Abstract: The article is devoted to Russian learned or academic monasticism, whose activity was directly related to the theological school and science. The author's attention is focused on the last decades of the XIX and the first decades of the XX century. Russian learned monasticism gave the Church the great host of saints, theologians, martyrs and confessors, but with his service were associated severe problems and criticisms. In the article special attention is paid to the understanding of scientific representatives of monasticism as well as its mission and ministry, and the search for the most appropriate form of service. In 1880-ies the most important ideas about the scientist monasticism expressed Eminence Anthony (Khrapovitsky) and Michael (Gribanovsky); the first of them has developed the project «learned monastic brotherhood». In 1910-ies initiative was taken up by Bishop Theodore (Pozdeevsky), who gave his interpretation of the learned monasticism, his ministry and objectives. Bishop Theodore and his friend at the Kazan Theological Academy Archimandrite Gury (Stepanov) drafted the Graduate School of Theology of the Church or the «monastic» Academy, which was discussed at the Local Council of 1917–1918 and there was a mixed assessment. The author emphasizes the urgency of the studied problems, conclusions and projects for modern theological school and theological scholarship. The study is based on a set of both published and unpublished sources.

Keywords: learned (academic) monasticism in Russia, Orthodox Theological Academies, theology, Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), Bishop Michael (Gribanovsky), Bishop Theodore (Pozdeevsky).

Natalia Yuryevna Sukhova — Doctor of Church History, Doctor of Historical Sciences; Associate Professor; Professor at the Department of General and Russian Church History and Canon Law; Head of the Scientific Center for the History of Theology and Theological Education at St. Tikhon's Orthodox University of Humanities (suhovanat@gmail.com).

Sources and References

Sources

1. GARF — Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]

GARF. F. 1099 (Filippov Tertiyy Ivanovich). Op. 1. D. 676. Proekt uluchsheniya prepodavaniya v dukhovno-uchebnykh zavedeniyakh, sostavlennyy mitropolitom Novgorodskim i Peterburgskim Grigoriem [(Postnikovym)] [The project of improving teaching in the theological educational institutions, compiled by the Metropolitan of Novgorod and St. Petersburg Grigory [(Postnikov)]]]. 14. l. (In Russian).

GARF. F. P-3431 (Vserossiyskiy Tserkovnyy Pomestnyy Sobor (Svyashchenny Sobor) [All-Russian Church Local Council (Holy Council)]). Op. 1. D. 143. Protokol i stenogramma zasedaniya Sobora ot 8 avgusta (26 iyulya) 1918 g. [Protocol and the transcript of the meeting of the Council of August 8 (July 26), 1918]. 164 l. (In Russian).

GARF. F. P-3431. Op. 1. D. 144. Protokol i stenogramma zasedaniya Sobora ot 9 avgusta (27 iyulya) 1918 g. [Protocol and the transcript of the meeting of the Council of August 8 (July 26), 1918]. 165. l. (In Russian).

GARF. F. P-3431. Op. 1. D. 380. Protokoly zasedaniy Otdela o dukhovnykh akademiakh [Protocols of the meetings of the Department on theological academies]. 163. l. (In Russian).

GARF. F. P-3431. Op. 1. D. 381. Proekty novogo ustava dukhovnykh akademi i polozheniy o nikh [Projects of a new charter of theological academies and regulations on them]. 367. l. (In Russian).

GARF. F. P-3431. Op. 1. D. 383. Proekt polozheniya o Vysshey tserkovnoy bogoslovskoy shkole [Draft of regulations on the Higher Theological School]. 27. 1. (In Russian).

2. PSZ — Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]

PSZ: *Izmeneniya v Ustave 1911* — Vysochayshe utverzhennyye 26 avgusta 1911 g. izmeneniya v Ustave pravoslavnykh dukhovnykh akademiya [The Highest approved on August 26, 1911 changes in the Charter of orthodox theological academies]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Tret'e sobranie* [The Third Collection], vol. XXXI, part 1. Saint-Petersburg, 1914, № 35802, pp. 961–966. (In Russian).

PSZ: *Ustav 1910* — Vysochayshe utverzhennyy 2 aprelya 1910 g. Ustav pravoslavnykh dukhovnykh akademiya [The Highest approved on April 2, 1910 project of the Charter of orthodox theological academies]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Tret'e sobranie* [The Third Collection], vol. XXX, part 1. Saint-Petersburg, 1913, № 33274, pp. 414–431. (In Russian).

PSZ: *Proekt Ustava 1814* — Vysochayshe utverzhennyy 30 avgusta 1814 g. proekt Ustava pravoslavnykh dukhovnykh uchilishch [The Highest approved on August 30, 1814 project of the Charter of orthodox theological academies]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Pervoe sobranie* [The First Collection], vol. XXXII. Saint-Petersburg, 1830, № 25673, pp. 910–954. (In Russian).

3. RGIA — Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].

RGIA. F. 797 (Kantselyariya ober-prokurora Sinoda [Office of the Chief Procurator of the Synod]). Op. 37 (otd. 1, st. 2). D. 1. O preobrazovanii dukhovnykh akademiya i sostavlenii novogo proekta akademicheskogo Ustava. 1867–1869 [On the transformation of theological academies and the drafting of a new project of the academic charter. 1867–1869]. 462. 1. (In Russian).

RGIA. F. 831 (Kantselyariya Patriarkha Tikhona i Svyashchennogo Sinoda [Office of Patriarch Tikhon and the Holy Synod]). Op. 1. D. 21. Postanovleniya Patriarkha, Svyashchennogo Sinoda i Vysshego Tserkovnogo Soveta [Decrees of the Patriarch, the Holy Synod and the Supreme Church Council]. Part III. 362. 1. (In Russian).

RGIA. F. 1661 (Serbinovich Konstantin Sergeevich). Op. 1. D. 705. Po voprosu ob izmenenii programmy prepodavaniya v dukhovnykh akademiakh [On the issue of changing the program of teaching in theological academies, 1839–1841]. 42. 1. (In Russian).

4. BV (1917) — Zhivaya zhizn'. Vserossiyskiy s'ezd uchenogo monashestva [All Russian Meeting of the learned monkhood]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1917, no 6–7, pp. 142–146. (In Russian).

5. VTsOV (1917) — Vserossiyskiy s'ezd uchenogo monashestva [All-Russian Meeting of the learned monkhood]. *Vserossiyskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik*, 1917, no. 70, 75, 76. (In Russian).

6. TsV (1917) — Vserossiyskiy s'ezd uchenogo monashestva [All-Russian Meeting of the learned monkhood]. *Tserkovnye vedomosti*, 1917, no. 22–23, pp. 146–147. (In Russian).

References

7. Bryantsev (1908) — Arseniy (Bryantsev), arkhiep. *Sobranie slov i rechey: v 5 t.* [Collection of words and speeches. In 5 vols.]. Khar'kov, 1908, vol. 1, 254+VI p. (In Russian).

8. Gribovskiy (1886) — Mikhail (Gribovskiy), arkhim. V chem sostoit tserkovnost' [What is ecclesiasticity]. *Tserkovnyy vestnik*, 1886, Dec., no. 51–52, pp. 827–830. (In Russian).

9. Gribovskiy: *Pis'ma* (2011) — *Episkop Mikhail (Gribovskiy). Sochineniya. Pis'ma. Zhizneopisanie* [Compositions. Letters. Biography]. Moscow: PSTGU Publ., 2011, 884 p. (In Russian).

10. Kern (2012) — Kiprian (Kern), arkhim. Vospominaniya o mitropolit Antonii (Khrapovitskom) i episkope Gavrile (Chepure) Memories of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) and Bishop Gabriel (Chepure). Ed. 2nd, improv. Moscow: PSTGU Publ., 2012, 148 p. (In Russian).

11. Khrapovitskiy (2007) — *Mitropolit Antoniy (Khrapovitskiy). Izbrannye trudy, pis'ma, materialy* [Chosen Compositions. Letters. Materials]. Moscow: PSTGU Publ., 2007. 944 c. (In Russian).

12. Khrapovitskiy: *O monashestve* (2011) — *Episkop Mikhail (Gribovskiy). Sochineniya. Pis'ma. Zhizneopisanie* [Compositions. Letters. Biography]. Moscow: PSTGU Publ., 2011, 884 p. (In Russian).

13. Khrapovitskiy: *Pis'ma* (2015) — «Blagoslovite sebya vklyuchit' v novoinocheskiy soyuz...» (Pis'ma mitropolita Antoniya (Khrapovitskogo) k episkopu Borisu (Plotnikovu) (1886–1900 gg.) [“Bless yourself to be included in the new union of monkhood ...” (Letters from Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) to Bishop Boris (Plotnikov) (1886-1900))]. Ed., preface and notes by N. Yu. Sukhova. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 2015, is. 5 (66), pp. 67–89. (In Russian).
14. O monashestve uchenom (1889) — S. S. B. [Antoniy (Khrapovitskiy), ierom.] O monashestve uchenom. I [On the learned monkhood]. *Tserkovnyy vestnik*, 1889, no. 29, pp. 505–507. (In Russian).
15. Pozdeevskiy (1909) — Feodor (Pozdeevskiy), arhim. Ob uchenom monashestve [On the learned monkhood]. *Mirnyy trud*, 1909, no. 6, pp. 63–75. (In Russian).
16. Sukhova (2012) — Sukhova N. Yu. *Russkaya bogoslovskaya nauka (po doktorskim i magisterskim dissertatsiyam 1870–1918 gg.)* [Russian Theological Science (doctoral and master's theses 1870–1918)]. Moscow, 2012, 376 p. (In Russian).
17. Vserossiyskiy s"ezd — Vserossiyskiy s"ezd uchenogo monashestva (7–14 iyulya 1917 g.) [All-Russian Meeting of the learned monkhood (on July 7–14, 1917)]. Moscow, 1917. (In Russian).